

ВЛИЯНИЕ КУРСА НАЦИОНАЛЬНОЙ ВАЛЮТЫ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ УГЛЕДОБЫЧИ

Нынешнее реформирование угольной промышленности Украины, хоть и объявлено в контексте общего преобразования национальной экономики [1], не предполагает использования макроэкономических рычагов, а основано на изменениях мезоуровня, то есть, носит преимущественно внутриотраслевой характер. Но именно внешние факторы, например, специальная настройка валютного курса, в ряде стран послужили процветанию угольной промышленности [2 с. 59]. Имеющаяся разница в подходах к реформированию (извне или изнутри) обусловила цель исследования — оценить влияние финансовых факторов на повышение эффективности национальной угледобычи.

Спад добычи угля и руд черных металлов во второй половине XX века в Европе был обусловлен социальными и политическими причинами, среди которых основными были рост заработной платы и ужесточение экологических требований на горнодобывающих предприятиях. Параллельно происходило совершенствование системы удаленных морских перевозок. В комплексе это привело к смещению центра деятельности по добыче полезных ископаемых в развивающиеся страны: проблемы одной стороны, связанные с обеспечением своих хозяйственных комплексов энергетическими и минеральными ресурсами, нашли отклик у другой стороны, имеющей проблемы в валютном обеспечении дальнейшего развития.

За почти вековой период (1900–1992), если не учитывать показатели нефти и газа, мощный подъем добычи угля привел к снижению индекса цен на 100 процентных пунктов [2, с. 58]. Некоторые европейские государственные компании были вынуждены продавать сырье по ценам ниже стоимости и в этих условиях девальвация валюты — понижение курса по отношению к твердым валютам — стала для них средством сокращения потерь прибыли.

О степени искажения валютного курса можно судить, сравнивая макроэкономические показатели той или иной страны, исчисленные по текущему курсу национального банка и по паритету покупательной способности (ППС). Чтобы вывести значение индекса ППС, международные организации (ООН, МВФ и др.) каждый год детально сопоставляют потребительские корзины из 3000 видов товаров и услуг. В данной работе использованы данные, публикуемые Мировым Банком [3]. На рис. 1 показана динамика изменения коэффициентов, равных отношению годового значения национального дохода, оцененного по курсу нацбанка соответствующей страны, к тому же макроэкономическому показателю, но исчисленному по паритету покупательной способности.

На диаграмме очевидна присущая Австралии и Южноафриканской Республике тенденция к девальвации валюты — в течение достаточно длительного периода времени свойственные им коэффициенты имеют значения ниже единицы. Особенно это характерно для ЮАР. Касающиеся этой страны наблюдения подтверждают вывод немецких специалистов о том, что управление валютными резервами существенно послужило

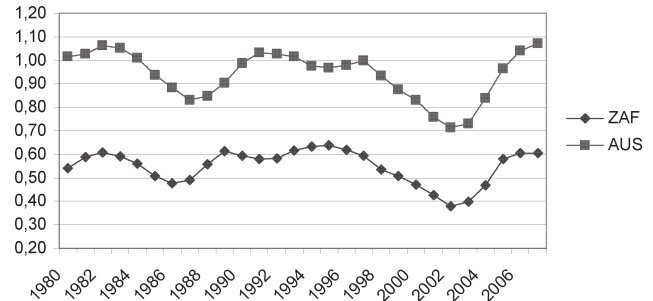

Рис. 1. Коэффициенты валютных курсов (курс национальных банков к паритету покупательной способности)

интересам горнодобывающих компаний, занятых экспортом [2, с. 59].

Эффективность игры валютными курсами может быть объяснена и теоретически. Так, в среде экономистов существует устойчивое представление о том, что в странах с неэффективными институтами, погрязших в коррупции, результативная промышленная политика невозможна, поскольку выделяемые средства становятся объектом лоббирования, неэффективно используются или просто разворовываются. Вместо дотаций, считают они, следует использовать косвенные воздействия, например, применять низкий валютный курс, поддержание которого стимулирует предприятия к экспорту продукции и одновременно защищает их от слишком жесткой конкуренции со стороны импорта. [4, с. 56].

Результативность данной политики подтверждает практика. В Австралии, например, финансовое регулирование обеспечило не только рост производства, но и расширение иностранного сектора в угольной промышленности. В составе собственников на одном из австралийских предприятий, комплексе, расположенном в районе Булга (рис. 2), наряду с главным собственником, компанией Эксстрата Коул, в системе присутствуют различные по крупности иностранные инвесторы, влияющие на сбытовую политику предприятия. В результате идущее в Японию угольное сырье отличается от купленного на рынке и импортированного тем, что оно добыто на собственных предприятиях, расположенных в других частях света [5].

Практика Эксстраты не является исключительной — такие же приемы характерны и для других крупных австралийских угледобывающих компаний, как, впрочем, южноафриканских, венесуэльских и др. Доступность угольных поставок привлекает японских, корейских потребителей, а тех, кто добывает уголь — доступность инвестиций. Приведенная выше схема — это специфическая азиатская модель вертикальной интеграции, отражающая баланс интересов сторон.

Для европейских стран, имеющих истощенные годами эксплуатации месторождения и находящиеся под давлением высоких социальных и экологических стандартов, доступность заморских ресурсов обернулась крахом

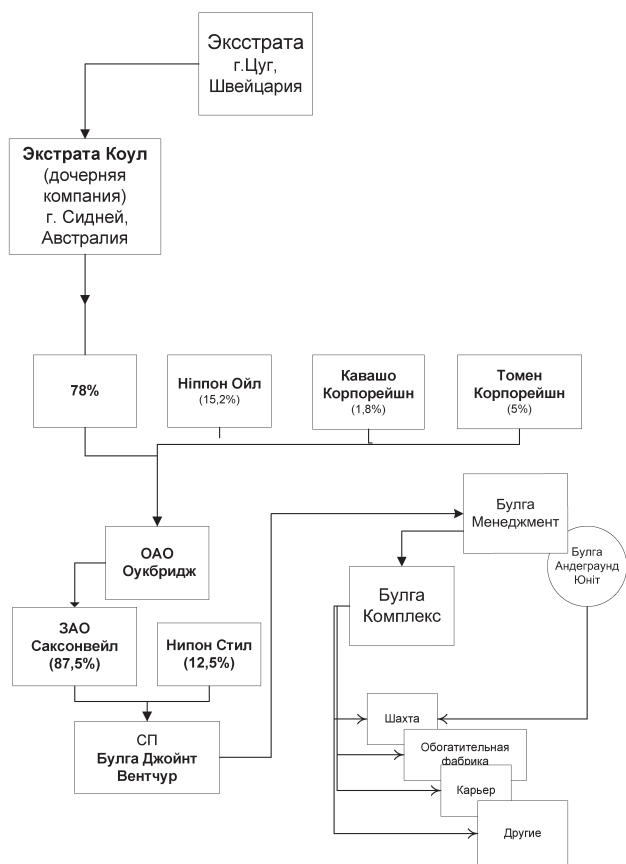

Рис. 2. Структура собственности на одном из предприятий компании Экстрата Коул

национальной угледобычи. Тотальная ликвидация шахт постигла Бельгию и Франция, в Германии и Великобритании число сохранившихся шахт не превышает десятка. В настоящее время и европейские металлургические компании, оставаясь верными традиционному импорту энерго-ресурсов, начали перенимать апробированные японскими и корейскими сталелитейными корпорациями приемы. Такой способ избрал Арселор; украинский, Метинвест приобрел в Аппалачах (США) компанию Юнайтед Коул, имеющую крупные производственные фонды по добыче коксующегося и энергетического угля.

Но украинская политика, похоже, страдает недопониманием двойственности категории «институт», что довольно часто встречается у практиков [4, с. 52]. Парадокс заключается в том, что институт как норма или правило поведения экономических агентов достаточно консервативен и неизменен для широкого класса ситуаций; экономическая же политика более подвижна, отвечает изменениям обстановки, но ее принципы и нормы это тоже институты.

Когда научно просвещенные экономисты в условиях коррупционности и неэффективных институтов рекомендуют использовать косвенное регулирование, а не прямое, дотационное, отечественные практики, сетуя при этом на низкую отдачу государственной поддержки в угольной промышленности [6], допускают и то, и другое. Политика поддержки экспорта (обеспечения низких валютных курсов) в Украине сочетается с институтом дотаций угледобывающей отрасли и все преимущества, созданные девальвацией национальной валюты, блекнут на фоне потерь в угольной отрасли.

В отличие от ЮАР и Австралии, главными экспортерами в Украине являются не добывающие компании, а металлургические. Национальная угольная промышленность планомерно убыточна и весь ее государственный сектор существует благодаря массивным дотациям. Но даже такая мощная бюджетная поддержка не дает перемен к лучшему. По данным 2009 г. шахтами Минуглепрома Украины было произведено 25 млн. т готовой угольной продукции по средней цене 442 грн./т с себестоимостью 728 грн./т [7]. На дотации (покрытие убытков от разницы между ценой и себестоимостью) и субсидии (для приобретения техники и прочие нужды) было потрачено 9,6 млрд. грн. Бюджетных средств хватило для покрытия 66 % убытков (4,6 млрд. грн. из 7,0 млрд. грн.), в результате чего разница между годовым увеличением кредиторской и дебиторской задолженностей составила 662 млн. грн.

Если оперировать категорией теневых цен, то есть показателей, которые формируются на совершенных рынках [8], то можно достоверно доказать неэффективность дотационно-субсидиарного регулирования в украинской угледобыче. По методике, опубликованной в работе [9], в составе теневых цен необходимо учитывать возмущения, которые вносит государство в действия рыночных механизмов, покрывая убытки угледобывающих предприятий (разницу между ценой и себестоимостью) и др.

С учетом господдержки и задолженности теневая цена угля, поступившего от государственных шахт, в 2009 г. составила 918 грн./т. Качественно такой же картина была и в предыдущие годы (рис. 3) [10].

В 2007 г. 1 дол. США по индексу, публикуемому в журнале The Economist, стоил 2,71 грн. при курсе НБУ 5,03 грн., в 2008 г. — 3,08 грн., в 2009 г. — 3,74 грн. при официальном курсе 7,66 грн. — хроническая недооценка гривны составляет 40--50 %.

Это равносильно тому, что в пересчете по паритету покупательной способности теневая цена на уголь государственных шахт равна \$237 за 1 т; в двух годах, предшествующих 2009 г., этот ресурс обошелся украинскому обществу, соответственно, в \$182 и \$224/т. Но это — в среднем по министерству. На некоторых предприятиях показатели были гораздо хуже. Например, в известном убыточностью шахт Центральном районе Донбасса, расчетные значения 2007 г. составили \$386/т [11] что намного превысило ценовые показатели в северноевропейских портах (Амстердам-Роттердам-Антверпен) [12].

Эклектика отечественного государственного регулирования порождает двусмысленность: низкий валютный курс выгоден металлургам, а для Украины, как известно,

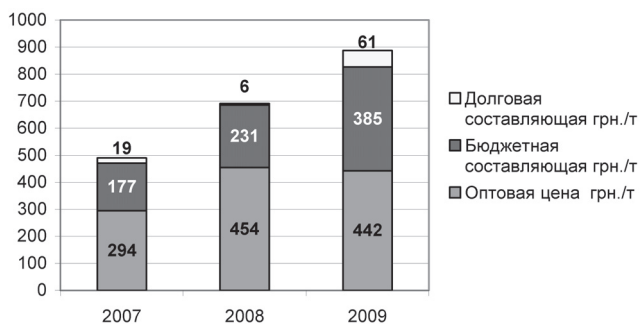

Рис. 3. Экономические характеристики деятельности угледобывающих предприятий Минуглепрома Украины

металл — то же, что нефть для экономики России, но не выгоден угольщикам, так как бюджетная поддержка на фоне искусственной недооценки национальной валюты обходится втридорога. И, чем больше дотаций, чем выше покупательная способность украинской гривны, тем слабее отечественный уголь перед импортным углем и газом.

Результаты изучения ситуации в украинской экономике приводят к выводу о наличии институциональной ловушки, опасность которой еще и в непривлекательности государственного шахтного фонда для приватизации — финансовые нагрузки по поддержанию функционирования столь убыточных шахт непосильны даже для крупных отечественных корпораций. Метинвесту и другим компаниям, имеющим собственные коксохимические производства, — как было заявлено одним из руководителей Систем Капитал Менеджмент, — выгоднее закупать качественный австралийский уголь по \$110/т FOB, чем вкладывать сотни миллионов гривен в добычу угля украинского, который в итоге будет стоить \$90/т» [13].

Государственные дотации — это поддержание института нерыночного ценообразования на угольную продукцию, поэтому для преодоления институциональной ловушки угольной промышленности полезной может оказаться либерализация цен. Такой путь программой реформирования отрасли предусмотрен [14], но без рационализации валютного курса этот комплекс финансовых мероприятий будет неполным.

Хотя реформа национальной угольной отрасли назрела, резких институциональных переходов лучше избегать — уж сильно инерционными являются среда и менталитет руководителей, дорогостоящей — физическая ликвидация шахт, велики масштабы и значимость социально-экономических последствий реконструкции. Поэтому, как справедливо было замечено в работе [15]: «Реформы должны осуществляться последовательно и неуклонно, но без лишней поспешности, при наличии надлежащего нормативно-правового и методического обеспечения» и, уже из другого источника, — «вместо того, чтобы искать числовой критерий оптимальности, нужно сформулировать требования, которым должен отвечать «хороший» институт» [4, с. 52].

Таким образом, статья, посвященная изучению влияния финансовых факторов, прежде всего влиянию управления валютными ресурсами на эффективность функционирования угледобывающих предприятий, дает основание утверждать, что методы, хорошо зарекомендовавшие себя в зарубежной практике, в отечественных условиях недостаточно успешны. Это можно объяснить тем, что в отличие от экономик, использующих регулирование валютных курсов как косвенное воздействие в условиях неэффективных институтов, альтернативное прямому воздействию в виде дотаций, в украинской практике сочетаются обе эти формы, что уменьшает результативность государственной промышленной политики. Обосновано, что исправление ситуации должно идти путем постепенного усиления влияния внешних по отношению к отрасли факторов, в частности, либерализации цен на угольную продукцию и более тонкой регулировки курса национальной валюты.

Литература

1. Програма економічних реформ України на 2010-2014 рр. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.dt.ua/2000/2020/69596>
2. Хорст В. Некоторые вопросы горной науки и технологии разработки месторождений полезных ископаемых в западных странах в начале нового столетия / Вагнер Хорст, Гюнтер Б.Л. Феттвайс // Глюкауф. — 2004. — № 1. — С. 57–63.
3. Quick Query WB [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://ddp-ext.worldbank.org/ext/DDPQQ/member.do&method=getMembers>
4. Полтерович В.М. Оптимальный выбор экономических институтов / В.М. Полтерович // Экономика и математические методы. — 2003. — Т. 39. — № 4. — С. 52–58.
5. Розвиток організаційної структури вугільної промисловості: світові тенденції та вітчизняна практика: наук. доповідь. — Донецьк : ІЕП НАН України, 2010. — 32 с.
6. Державна підтримка та перспективи інноваційного розвитку і структурних перетворень вугільної промисловості / О. І. Амоша, А. І. Кабанов, Л. Л. Стариченко та ін. — НАН України, Ін-т економіки пром-сті. — Донецьк, 2009. — 326 с.
7. Інформаційно-аналітичний звіт про розвиток вугільної промисловості України у 2009 р. [Электронный документ]. — Режим доступа : http://www.mprv.gov.ua/mprv/control/uk/publish/article&art_id=80240&cat_id=52294.
8. Мортиков В. Теневые цены в экономической теории / В. Мортиков, А. Моклякова // Экономика Украины. — 2007. — № 8. — С. 46–51.
9. Череватський Д. Ю. Щодо цін, за якими суспільство отримує вугільну продукцію в Україні / Д. Ю. Череватський, М. В. Роттер // Вісник ДонДУЕТ. Економічні науки. — 2005. — № 3. — С. 39–43.
10. Амоша А. И. Их газ и наш уголь по гамбургскому счету / А. И. Амоша, Д. Ю. Череватский // Зеркало недели. — 2010. — № 41.
11. Амоша А.И. Стратегии развития угледобычи в Центральном районе Донбасса / А. И. Амоша, Д. Ю. Череватский, О. Ю. Кузьмич. — Донецк : ИЭП НАН Украины, 2008. — 96 с.
12. Statistical Review of World Energy 2009 / British Petroleum [Электронный документ]. — Режим доступа : <http://www.bp.com/productlanding.do?categoryId=6929&contentId=7044622>.
13. Череватский Д. Ю. Конъюнктура мировых угольных рынков и ее влияние на угольную промышленность Украины / Д. Ю. Череватский // Вісник Донецького національного університету: серія В. Економіка і право. — 2008. — № 2. — С. 87–94
14. План-графік реформ. Напрямок «Реформа вугільної галузі»: Схвалено наказом Мінвуглепрому від 22.07.2010 р. №270 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.mprv.gov.ua/mprv/control/uk/publish/category?cat_id=83903.
15. Кабанов А. І. Чергова перебудова вугільної промисловості України: необхідні корективи / А. І. Кабанов, Л. Л. Стариченко, Д.Ю. Череватський // Механізми управління розвитком соціально-економічних систем : моногр. — Донецьк : ДВНЗ «ДонНТУ», 2010. — С. 464–469.